

Сигурд Оттович, вы один из немногих арбатских старожилов, кому посчастливилось родиться и прожить долгую жизнь в одном и том же доме в самом центре Москвы. Сегодня, когда с ошеломляющей скоростью меняется привычная среда обитания, а в вашем Кривоарбатском переулке остались нетронутыми разве что конструктивистское строение Константина Мельникова и еще два-три дома, - что для вас значит наш город, в чем его сохраненная особенность?

- Действительно, я один из немногих москвичей, доживших до девятого десятка в одной квартире: комната, где я родился (тогда - в коммуналке), сегодня - моя спальня. Мое детство прошло в годы НЭПа под звуки арбатских колоколов - рядом стояла церковь Николая Плотника... В то же время мой опыт - не просто опыт пожилого человека, но и ученого-историка. Для меня Москва - и державный русский город, и малая родина.

Сейчас, когда я обнаруживаю в себе смешение личных ощущений и воспринятого под воздействием лет и знаний, ответить на ваш вопрос не так просто. Москва для меня всегда - мой город, олицетворяющий русскую культуру и преемственность историко-культурных традиций, воплощающий для меня Россию.

Я очень люблю Москву, но всю жизнь наблюдаю утрату ею «московскости» и чрезвычайно этим огорчен. Москва все больше принимает облик столицы, интересной, точнее привлекательной для других своим положением, удобствами, широкими материальными возможностями. А раньше я радовался тому, что моих иностранных коллег удивляло обилие читающих в московском метро. Теперь, увы, больше заняты кроссвордами, то есть той псевдокультурной дешевкой, которую насаждают ныне и телевизионные программы.

Между прочим, Петербург, утратив многое от прежней культуры, остался Петербургом, потому что гордится своим именем, своими особенностями, обретенными за трехсотлетнюю историю. А те, кто называют себя москвичами сегодня, гордятся тем, что здесь Дума и Правительство России, центры партий и офисы, десятки самозародившихся академий.

Я сейчас все острее осознаю глубину наблюдения Карамзина: Россия произрастает провинцией. И мне как москвичу и ученому, знающему всемирно-историческую цену московской культуры, хочется, чтобы Москва сохраняла превосходство и в культурно-нравственном смысле. Для меня - и это традиция российской интеллигенции, средоточием которой всегда была Москва, - культура, тем более ее вершины, это не только наука, искусство, литература, высокая технология цивилизации, но ее нравственные основы, общественные представления и поведение.

- И что - Москва, по-вашему, теряет в этом смысле?

- Она теряет атмосферу величавости и одновременно - увы! - привлекательной домашней теплоты, ту самую московскость. Она охладела к человеку, стала более деловой и торговой. Странно слышать о разногласиях Москвы и федеральных властей в отношении памятников истории и культуры. Мой университетский учитель, великий знаток прошлого нашего города, академик Михаил Николаевич Тихомиров заметил как-то, что знает два «города в мире, история которых непосредственно и тесно связана с историей их стран, - это Москва и Париж». Все, что происходило в России, в какой-то мере отражалось в Москве, и все, что происходило в Москве, имело отражение в России. В Париже следят за тем, чтобы он, всегда имея престиж столицы Франции, сохранял бы многовековое очарование своего облика: в центре по-прежнему нет высоток, ощущаются уют старины, уважение к ней, элементы подкупающего приезжих домашнего гостеприимства. В Москве же порой наблюдается отсутствие связи времен, даже обрыв этих связей... Да и восстанавливается подчас не то, что нужно. Скажем, если мы считаем, что Арбат - символ Москвы, то совершенно необходимо было бы восстановить церковь Николая Явленного.

- То есть возродить, как в рассказе Бориса Зайцева, «улицу Святого Николая»?

- Ну, там речь идет о двух Никольских храмах на Арбате. Восстановить оба, конечно, невозможно, - пространство в Плотниках застроено. А вот место, где стоял Никола Явленный, свободно. О

В многочисленных научных трудах, эссе, очерках Сигурда Оттовича Шмидта тема Москвы - одна из главных. Председатель Археографической комиссии РАН, старейший профессор Историко-архивного института РГГУ, академик РАО, сын легендарного полярного исследователя делится с нашим корреспондентом впечатлениями об изменениях, которые произошли в столице за последние десятилетия.

Сигурд ШМИДТ:

ЧТО НИ УЛИЦА - ТО ХРАНИЛИЩЕ ПАМЯТИ

нем мы читаем в «Войне и мире» Льва Толстого. Это знаменитый изгиб улицы, который стал незабываемым символом для эмигрировавших Бунина, Зайцева, Шмелева, - они все о нем вспоминали. Эта церковь вернула бы дух Арбату, поскольку улица, где нет храма, допускает недостойное поведение - ведь даже неверующие люди рядом с храмом постесняются вести себя безнравственно. Вообще уверен, что храмы могут и должны стать центрами сегодняшних микрорайонов, формировать их облик.

Москва - огромный аккумулятор духовной культуры, только требует он основательной подзарядки.

Я - житель Арбата - особенно остро ощущаю невозвратимую утрату аромата московской жизни. Под Арбатом подразумеваю, конечно, не только улицу, но и все окружение, примерно от Остоженки до Никитских ворот. Это заповедник культуры: место обитания выдающихся людей и место, где классики нашей литературы, начиная с Тургенева, поселяли своих героев. Отображением именно в арбатских окрестностях воспринималось как типологически московское - скажем, прелестный жанровый пейзаж Поленова «Московский дворик» писан подле храма Спаса на Песках, а для съемок фильма «Я шагаю по Москве» избран дом в Кривоарбатском переулке. Такое понимание Арбата как знака культуры нашло отражение в материалах альманаха «Арбатский архив», подготовленного еще к 500-летию Арбата в начале девяностых.

- Но Арбат все же лишь небольшая часть центра. А что можно сказать в целом о современной Москве?

- Москва и по сей день - необыкновенный город. Только она имеет такой величественный Кремль или Красную площадь с собором Василия Блаженного. А величественное здание Московского университета, уж не говоря о Манеже, который, надеюсь, возродится в своем великолепии... И где еще вы найдете такое диво мировой архитектуры эпохи классицизма, как Дом Пашкова?

Мне представляется, что сегодня недостаточно учитывается изменение интереса иностранных туристов к России. Если раньше многие приезжали посмотреть, что такое столица страны, идущей путем неведомых социальных преобразований, то ныне привлекает прежде всего исконный центр страны, явивший миру величайшие достижения культуры, - например, пленивший весь мир балет, музыку Чайковского и Шостаковича, кинорежиссуру Эйзенштейна, неповтори-

мое искусство Святослава Рихтера. Они открывают древнерусскую архитектуру, сокровища Андрея Рублева.

- К стати, о Красной площади. В зависимости от политической конъюнктуры то вспыхивает, то затихает спор о захоронениях в Кремлевской стене и о Мавзолее. Каково ваше отношение к этому как историка?

- Мавзолеем за десятилетия стал не только для нас, но и для всего мира одним из символов Красной площади. Я считаю, Щусев нашел не только архитектурное, но и цветное решение, которое не нарушает величия площади. Вообще, ее архитектурный ансамбль эклектичен: от Кремля XV века с поздними перестройками до Исторического музея и ГУМа XIX столетия. И вполне закономерным было появление памятника XX века, отвечающего эстетическим представлениям своего времени не только у нас, но и за рубежом.

Мавзолеем, безусловно, должен остаться как выдающееся произведение архитектурного авангарда. Уничтожение этого памятника - чудовищная мысль, которая возвращает нас к временам разрушения храмов в зловещие годы «великого перелома». Неужели ничему не научились?

Что же касается захоронений, то, верно, стоит вспомнить об идее Пантеона на Воробьевых горах - это было бы разумно. Многолюдная площадь не должна быть местом, где лежат покойники.

- Общественность сегодня с тревогой отмечает, что постепенно нарушается силуэт города. Насколько это справедливо и какой вы мечтали бы увидеть Москву, скажем, в год ее тысячелетия?

- Боюсь, мечта моя покажется маниловщиной. Дело в том, что преступление против Москвы было совершено строительством некоторых высотных и в архитектурном плане неинтересных зданий в центре. Надобности в этом не было - министерства и офисы не должны быть непременно высотками. Теперь с Воробьевых гор или с Москвы-реки мы видим искаженный силуэт Москвы. Возможно, когда-нибудь у города найдутся средства, чтобы снести уродливые гиганты на Новом Арбате, как это сделали с гостиницей на Тверской: лучшего подарка Москве не придумаешь. И, разумеется, требуется восстановление отдельных исторически важных зданий. Увы, мы по понятным причинам не можем говорить о воссоздании Красных ворот или Сухарево-башни на прежних местах, однако выдающееся творение зод-

чего Потапова - церковь Успения на Покровке - может быть восстановлено. Все это вместе позволит воскресить силуэт города - не азиатского или европейского, а российского. Москва должна беречь свое своеобразие - и внешнего образа, и даже делового общения, которому следовало бы восходить к исконной российской терминологии, хотя бы в общении между собой. А вывески, реклама... Уже и замечать это уродство перестали - привыкли! Чем это все лучше осмеянного почти уже два века назад смешения «французского с нижегородским»? Чего стоит такой шедевр современной лингвистики, как «маленький супермаркет»?

- Сигурд Оттович, в нашей древней столице государи венчались на царство. Москва была теснейшим образом связана с идеей монархии, патриархальности, старого дворянского быта. Не кажется ли вам, что нравственное возрождение Москвы можно связывать с возникновением в новом качестве таких институтов, как дворянские собрания и общества, или торжественных актов - как, например, недавнее открытие Голицынской выставки в ГМИИ имени Пушкина?

- Тут две стороны. С одной - многовековая, освященная идеологией традиция единовластия, к которому привыкли россияне. Как видим, страна это не изменила. Но в существовании монархии масса условностей, правил, институтов, которые во всем мире сейчас практически отмерли. Вернуться к монархии у нас было бы довольно странно, потому что искусственно внедрить эту идею нельзя. Николай II, законный русский царь, нарушив все положения и каноны, отрекся от престола. История России изменилась, и Романовы остались частью этой истории, ее прошлым.

Дворянские собрания мне понятны, но в начале XXI века не может быть объединения исключительно по генеалогическому признаку малознакомых лиц - нужно сближение в социокультурном плане. Дело ведь доходит до анекдота: журнал «Дворянское собрание» как-то перепечатал мою статью об общественном сознании российского дворянства, причем не спросив меня, убрали все, что напоминало о негативных моментах в истории дворян-крепостников, вызывавших протест в среде самой дворянской интеллигенции, приведших к жертвенному подвигу аристократов-декабристов!

- То есть вы не видите продуктивного зерна в возрождении дворянских институтов?

- Я считаю это неестественным. Нужно возрождать традиции дворянской чести, а объединяться могут и люди разных наследственных сословий. Есть некоторые весьма известные роды России: Голицыны, Трубецкие, Васильчиковы, Шереметевы... Но они самодостаточно, им не нужно объединяться в собрания. Все более известной становится благородная роль в нашей культуре Голицыных - ученых, художников, выходят сочинения Трубецких и о Трубецких, воспоминания Сергея Шереметева, труды о Воронцовых, графах Мусиных-Пушкиных, Толстых...

- Ряд этапных сооружений Москвы последнего десятилетия отличается неким новым внесением в архитектуру города стилем: Манежная площадь, церетелевский Петр, даже восстановленный храм Христа Спасителя, не говоря уже о бесконечных позлащенных шпилях...

- Относительно храма - он, конечно, в центре русского и мирового православия. Я сторонник этого еще и потому, что перенесены главные богослужения из кремлевских храмов, а это позволяет их сохранять как уникальные произведения древнерусской культуры. Служба современного масштаба немаловажна в Успенском соборе Кремля.

Что касается Петра, к которому до сих пор не могут привыкнуть, то считаю, хоть он явно великоват, украшает место, обезображенное позднейшей застройкой.

- Говорят, что он уничтожил один из самых романтических видов Москвы, разрушил силуэт столицы...

- Нет, Петр тут неплох. А вот раздражает меня «зверинец» возле места поминания в Александровском саду. Это место встречи с усопшими, и нужно понимать, что оно требует тишины. А когда фигуры зверюшек рядом с Вечным огнем - это отсутствие нравственной культуры и вкуса.

- Особую прелесть Москве придавали некогда усадебные сады с сиренью, многочисленные парки, бульвары и скверики. Не кажется ли вам, что, несмотря на вертикальное озеленение и прочие затеи, Москва теряет эту свою прелесть?

- Хорошее дерево растет несколько десятилетий, а погубить его можно за год. Посмотрите на яблони на проспекте Вернадского перед метро «Университет», погибшие липы на Большой Дорогомиловской! А во что превратился сквер у Большого театра? Там не хватает только искусственного, нейлонового поля! С убийством зеленых насаждений в Москве уничтожается ее сердце. Современный город - это не только зеленые набережные и скверы с тенистыми деревьями, но и маленькие тенистые дворики, где можно вздохнуть после мегаполисной круговерти. Вот за эту программу стоит поактивнее бороться городским властям!

- Сигурд Оттович, вы были у истоков некогда нового школьного предмета - москвоведения, который, как я понимаю, и должен воспитывать вкус, нравственную культуру у юных москвичей. Скажите, чем обернулось это начинание?

- В последние годы сильно возрос интерес к краеведению. Это отражение и возрастающего во всем мире интереса к изучению не только знаменательных явлений истории - событий и лиц, но и повседневности, микроистории, прошлого каждой семьи, родственных связей. И в этом плане в России замечательные традиции, восходящие к «золотому десятилетию» нашего краеведения, к 20-м годам прошлого века.

Мне даже кажется, нужны маленькие музеи в любом интересном или на первый взгляд неинтересном микрорайоне. Скажем, музей Арбата - подобный тому, что существует благодаря энтузиастам на проспекте Мира. Он стал бы средоточием памяти улицы района. Необходимо выработать систему экскурсий, подготовить литературу о местных достопримечательностях. Нужно приучать и приезжих, и самих москвичей - причем с самых юных лет - к мысли, что Москва - город великих историко-культурных традиций, и воспитывать потребность приобщения к ним. Словом, нам предстоит работа, результаты которой начнут сказываться лишь через десятилетия.

- Вы с оптимизмом относитесь к этой задаче?

- С оптимизмом, потому что у человека есть потребность знать, что его окружает. Хочется надеяться, что знание Москвы станет характерной чертой любого культурного москвича - от мала до велика.

Беседу провел
Владимир ПОТРЕСОВ